

Официальная хроника. Чемпионы мира по программированию Максим Буздалов, Федор Царев и примкнувшие к ним Денис Буздалов и Анатолий Шалыто слышали, как кричит малютка-привидение

Крик малютки-привидения

// Трио КТУ в Центре современного искусства

Газета "Коммерсантъ-СПБ" № 124/П (4179) от 13.07.2009

Киммо Похьонен, можно сказать, жизнь положил на то, чтобы доказать, что из аккордеона — народного, в общем-то, инструмента — звуков можно навывдавливать не меньше, чем из синтезатора

Фото: Никита
Инфантьев/Коммерсантъ

В конце прошлой недели в Центре современного искусства показывали мужчин в юбках. Зрелище не менее экзотическое, чем «Храброе сердце» или «Горец», но, при всем запале главных героев, гораздо менее кровопролитное: на сцене рубилось трио КТУ. Иначе как командой всех звезд назвать их сложно. МАКС ХАГЕН смотрел на знаменитого финского аккордеониста Киммо Похьонена и вспоминал Карлсона.

Киммо Похьонен на западном музыкальном рынке является альтернативным лицом Страны тысячи озер, из которой до мира все больше доносятся тяжелые аккорды. Музыкант, можно сказать, жизнь положил на то, чтобы доказать, что из аккордеона — народного, в общем-то, инструмента — звуков можно навывдавливать не меньше, чем из синтезатора. Компанию ему составляет половина King Crimson последнего созыва. Трей Ганн и Пэт Мастелото, хотя и являются фактически ритм-секцией, на двоих звуков могут сообразить больше, чем целая группа.

Первый — мастер довольно экзотических инструментов Warr guitar и Chapman stick, производных от гитары с увеличенным количеством струн и возможностей. Второй — барабанщик-виртуоз, не чурающийся электронных добавок в лавине стука и грохота. Если копнуть дальше арт-рока, то в их анамнезе появятся такие прекрасные имена, как Майкл Брук, And You Will Know Us By The Trail Of Dead, The Sugarcubes и, конечно, Дэвид Сильвиан. Последний, можно сказать, и свел King Crimson в 1990-х, подогнав к своим записям одновременно упомянутых музыкантов и Роберта Фриппа. А пока рок-динозавр дремлет, Ганн и Мастелото по мере возможностей развлекаются. Участники КТУ уже заезжали в Петербург по отдельности; Киммо Похьонен выступал на СКИФе, Ганн и Мастелото показывали чудеса владения техникой со «статусной» группой и в собственном проекте TU. В прошлом году трио докатилось до Казани и фестиваля «Сотворение мира», а в марте выпустило второй альбом «Quiver».

Концерт проходил в рамках фестиваля «Жизнь прекрасна... без наркотиков». Кроме главных гостей здесь сознание расширяли Nervenlinik и Klever, ориентирующиеся на психоделический авант- и арт-рок. Что же до КТУ, то они не размениваются на заплет извилин, а сразу взрывают мозг. Есть в их музыке что-то от гениального сумасшествия, когда звуки чуть ли не расшвыриваются в разные стороны, но из всего нагромождения аккордов, ритмов, вскриков и всхлипов аккордеона возникает осмысленная композиция. Во всем этом поровну звукового дизайна, шаманства и авангарда самого отвязного толка.

С арт-роковой закалкой Ганна и Мастелото и явной приверженностью Похьонена импровизациям, создавалось впечатление, что композиции строились на ходу. Каждый из участников группы играет что-то свое, но вдруг и мелодическая линия появляется, а вокруг нее закручивается такое, что у зрителей только рты открываются. Киммо Похьонен — мускулистый товарищ с коротким ирокезом на голове, одетый в длинную черную юбку и майку, не столько исполняет музыку, сколько играет собственный

спектакль. Звук аккордеона прогоняется через блоки эффектов, один из которых закреплен прямо на инструменте, а музыкант к тому же и сам себе звукорежиссер и солист. Он еще и камлает, издавая горловой клекот, прищептывания, диковатый хохот или просто мычание.

Его умение производить звуки, почти не открывая рта, зато с застывающей сардонической ухмылкой делало зрелище и вовсе потусторонним. "Плач малютки-привидения", когда-то исполнявшийся Карлсоном, здесь доведен до абсолюта. Временами коллеги Киммо Похьонена и сами уставлялись на него так, будто видят в первый раз. Они, правда, были более приземлены и производили нормальное впечатление мастеров за работой. Трей Ганн — тоже в юбке, — вперившись взглядом в свои суперструны, поглаживал и постукивал пальцами лады — звуков при этом было как от пары гитаристов и синтезатора в придачу, а Пэт Мастелото выколачивал невообразимые размеры и подбрасывал треска и жужжания при помощи ноутбука, закрепленного тут же, на барабанной установке. С колонками, расставленными вокруг зала, и получавшемся подобии surround-sound, шума на зрителей вываливалось не меньше, чем во время батальных сцен в кино. Если честно, то эта арт-атака даже слегка изматывала — КТУ будто берут благодарного зрителя за горло и трясут его так и сяк: а вот такое еще выдержишь?

Во время одного из трех бисов Киммо Похьонен для развлечения забацал развеселую польку. Мастер струн долго примеривался, но вступить так и не решился, наверное, музыка для него оказалась слишком непривычной. Зато когда барабанщик грохнул очередные восемь-одиннадцатых или что еще посложнее, а Киммо с готовностью сдавил меха и издал ответный жуткий вопль, Трей Ганн моментально врубился и как ни в чем не бывало дальше запорхал пальцами.